

ШТАММ ЛИХТЕНБЕРГА

Р О М А Н

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Каролина Карташ
Штамм Лихтенберга

«Автор»

2026

Карташ К.

Штамм Лихтенберга / К. Карташ — «Автор», 2026

В мире, где фиолетовый цвет — смертный приговор, её глаза стали его главным кошмаром. И его единственным спасением. Строптивая Дилан — живой щит против вируса, выжигающего человечество. Генерал Ксандер, грозный Палач Рубежа, привык подчинять и презирает ученых. По законам каст они должны ненавидеть друг друга. Но запертые в одном бункере, они начинают опасную игру, где её дерзость доводит исполина до бешенства.

© Карташ К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Фиолетовое клеймо	5
Глава 2. Приговор с отличием	8
Глава 3. Секрет матери	11
Глава	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Каролина Карташ

Штамм Лихтенберга

Глава 1. Фиолетовое клеймо

Старый мир погиб от одной разбитой пробирки и чистой, концентрированной человеческой глупости.

В Академии нам часто крутили архивные хроники трехсотлетней давности, и каждый раз у меня сводило челюсть от глухой злости. На пожелтевших, дергающихся кадрах испуганная лаборантка в панике собирала осколки стекла, не замечая, как тончайшая аэрозольная взвесь уже поднималась в воздух, проникая в вентиляцию. То, что ученые Прошлого создавали в своих сверхсекретных подземных комплексах как идеальное биологическое оружие, оказалось слишком идеальным. **Штамм Лихтенберга**. Названный в честь немецкого физика, он действовал на человеческое тело так же разрушительно и красиво, как разряд в миллион вольт.

Этот вирус не хотел нас есть. Ему не нужно было пропитание. Его единственной, фанатичной и пугающей целью был тотальный захват и размножение. Те, чьи тела поражал патоген, сходили с ума за считанные часы. Хроники Прошлого подробно запечатлели этот ад, ставший нашей реальностью.

Болезнь всегда протекала в несколько этапов, каждый из которых медленно стирал в человеке человека. Все начиналось с внезапного, обильного потоотделения и жуткой лихорадки. Зараженный впадал в бред, его сознание путалось, а вместо нормальной речи с губ слетал лишь бессвязный, глухой лепет. Затем наступал второй этап — неврологический. По шее, груди и рукам несчастного расползались они: ветвистые, отчетливые фиолетовые линии. В медицине Прошлого такие следы называли фигурами Лихтенберга — они появлялись на коже редких счастливиц, выживших после удара настоящей молнии. Но вирус не щадил никого. Эти фиолетовые молнии означали, что зараза выжигает нервную систему изнутри, перестраивая под себя сосуды и мышцы. Агрессия росла с каждой минутой, бред превращался в яростный животный рык, а безумие становилось абсолютным.

Пик болезни полностью менял внешность человека, стирая его индивидуальность. У зараженных намертво выпадали все волосы — до единого. На руках и ногах стремительно отрастали длинные, толстые когти, способные разрывать плоть. Гормональный фон перестраивался так глубоко, что внешне становилось невозможно понять, кто перед тобой стоит — мужчина или женщина. Лица превращались в андрогинные, застывшие маски ярости. Но самым страшным признаком терминальной стадии были глаза. Их цвет становился густым, неоновым-фиолетовым.

Такие мутанты обладали колоссальной, первобытной силой. Их практически невозможно было убить обычным оружием. Штамм Лихтенберга до предела разгонял регенерацию, превращая носителя в бессмертное чудовище. Единственным уязвимым местом оставался головной мозг. Вот только на последней стадии эволюции вируса человеческий мозг усыхал, сжимался до размеров грецкого ореха. Попасть в эту крошечную, постоянно движущуюся мишень посреди боя было чертовски трудно. Зараженные бежали вперед, ведомые единственным импульсом — передать вирус дальше, вонзить когти в здоровую плоть, брызнуть зараженной слюной в лицо. И они падали замертво только тогда, когда их тела полностью вырабатывали весь свой биологический ресурс, сгорая изнутри дотла.

Прошли века. Первое время после катастрофы выжившие грызли за ресурсы, не в силах договориться. Но страх перед полным истреблением заставил людей прийти к компромиссу. Они воздвигли стены и основали пять маленьких городов-государств по всему миру,

распределив обязанности. Власть в них закрепилась за пятью правящими династиями и передавалась строго по наследству. **Эгида** стала оплотом военных, железным щитом человечества. **Террав** вяла на себя купола, земледелие и скотоводство, согревая и кормя остальных. **Феррум** шел глубоко под землю, добывая в темных шахтах ценные металлы и материалы. **Локус** превратился в колоссальный транспортный узел, связывающий города бронепоездами и радиосвязью.

И, наконец, мой дом — **Вектор-М**. Город науки, медицины и высоких технологий. Именно здесь, в стенах Академии наук, ученые уже несколько веков безуспешно пытались разработать лекарство от штамма Лихтенберга. Но все было тщетно. Вирус за стенами городов, в туманах так называемой Серой зоны, приспособился. Теперь мутации в дикой среде протекали медленно, растягиваясь на десятилетия. Твари эволюционировали, их становилось все больше, и Серая зона дышала нам в спину.

— Кортес! Если ты сейчас же не оторвешь взгляд от окна, я лично заставлю тебя перемывать все пробирки в блоке «Б»! — резкий, сухой голос профессора Сикорского заставил меня вздрогнуть.

Я моргнула, отводя взгляд от панорамного остекления, за которым в утреннем тумане высились белые, стерильные корпуса Вектора-М.

— Уже иду, профессор, — отозвалась я, поправляя полы идеально выглаженного белого халата.

Мне был двадцать один год. Я училась на последнем курсе Медицинской Академии, и я была местным уродом. Изгоем среди гениев.

Проходя мимо зеркальной панели в коридоре лаборатории, я на секунду притормозила, рассматривая свое отражение, к которому никак не могла привыкнуть. На меня смотрела миниатюрная, совсем крошечная девушка — всего 148 сантиметров роста. Из-за этого в тяжелых форменных ботинках Академии я казалась себе фарфоровой куклой, которую случайно одели в рабочую одежду. Мои прямые, шелковистые иссиня-черные волосы были неприлично длинными для здешних стандартов чистоты — они спускались значительно ниже лопаток, и я вечно воевала с ними, пытаясь собрать в тугой узел. Природа наградила меня бледной, почти прозрачной кожей (мы во Векторе-М редко видели настоящее солнце, проводя жизнь под куполами), точеной фигуркой с тонкой талией и очень пухлыми, чувственными губами. Преподаватели мужчины часто задерживали на них взгляд, а сокурсницы завистливо шипели вслед.

Но все это меркло перед моей главной, проклятой особенностью. Перед моими глазами.

Левый глаз у меня был ясного, пронзительно-голубого цвета. А вот правый... правый был **фиолетовым**. Густого, неонового оттенка. Точь-в-точь как у мутантов Серой зоны на пике их безумия.

Я не была заражена. Моя мать была ведущим вирусологом Академии и незадолго до моих родов работала с экспериментальным, искусственно ослабленным штаммом. Она погибла в лаборатории, а я родилась на свет с этим клеймом и врожденным иммунитетом. Меня проверяли тысячи раз. Каждую божью неделю, с самого детства, я обязана была являться в карантинный сектор и сдавать унизительные, болезненные тесты на чистоту крови. Обычные граждане на улицах Вектора-М шарахались от меня, заведя этот глаз, сокурсники сторонились, а профессора смотрели как на высокотехнологичную подопытную крысу.

Это выжгло во мне всякую робкую девчоночью мягкость. Мое сердце оставалось добрым — я искренне сочувствовала редким выжившим, которых привозили с границы, подкармливала лабораторных животных и не очерствела душой. Но характер у меня стал железным, а за словом в карман я никогда не лезла. Если весь мир с детства ждет от тебя звериного оскала, глупо строить из себя покорную овечку.

— Ну и чего ты застыла, Кортес? — проскрипел Сикорский, протягивая мне планшет с данными. — Сегодня у нас плановое вскрытие тканей лесного мутанта второй стадии, достав-

ленного из Локуса. Работай аккуратно. И ради всего святого, надень повязку на свой... дефект. Прибыла комиссия из Министерства здравоохранения, не хватай лишних вопросов.

Я криво усмехнулась, забирая планшет, но повязку надевать не стала. Обойдутся. Мой фиолетовый глаз — это напоминание им всем, что природа может быть сильнее их стерильных стен.

День тянулся невыносимо долго. Запах формалина, въедливый скребок скальпеля по окоченевшей, покрытой фиолетовыми линиями коже трупа, сухие цифры анализов. Мы веками топтались на месте. Мы изучали мертвецов, пока живые гибли за стенами.

Уже поздно вечером, когда я устало стягивала латексные перчатки в пустой лаборатории, мой личный коммуникатор на запястье надсадно запищал. На экране загорелся высший приоритет вызова — красный маркер Верховного Совета Вектора-М. Такое случалось раз в жизни, и обычно это не предвещало ничего хорошего.

«Адептка Дилан Кортес. Вам предписано немедленно явиться в Главный административный корпус, зал заседаний Совета Глав. Явка строго обязательна. Отказ карается лишением гражданства».

Я перечитала сообщение трижды. Пальцы инстинктивно коснулись пухлых губ. Сердце глухо и тяжело забилося в ребра. Неужели мои утренние тесты показали что-то не то? Неужели за столько лет вирус внутри меня проснулся, и сейчас меня просто запрут в клетку до конца моих дней?

Я глубоко вздохнула, распустила черные волосы, позволяя им упасть на плечи, словно защитный плащ, и поправила воротник халата. Что бы там ни было, Дилан Кортес не умеет бегать. Я пошла к выходу.

Глава 2. Приговор с отличием

Коридоры Главного административного корпуса Вектора-М разительно отличались от наших исследовательских блоков. Здесь не пахло формалином, хлором или озоном. Здесь пахло большими деньгами, властью и старинным дубовым паркетом, который привозили из Терры за баснословные суммы.

Я шла, и звук моих тяжелых армейских ботинок эхом отскакивал от высоких белых стен. Встречные чиновники в строгих серых костюмах испуганно косились на меня, а некоторые демонстративно прижимали к носу надушенные платки. Ну конечно, девчонка в рабочем халате Академии, да еще и с неприкрытым фиолетовым глазом. Для здешней элиты я была ходячим напоминанием о том, что за их стерильным раем лежит Серая зона, полная гнили и безумия.

Перед колоссальными двухстворчатыми дверями зала заседаний стояли двое гвардейцев Вектора-М с лазерными карабинами наперевес. При моем приближении они даже не шелохнулись, лишь один из них скользнул взглядом по моей фигуре, задержавшись на груди, скрытой под халатом. Я смерила его своим ярко-голубым левым глазом с таким презрением, что он тут же выпрямился и сглотнул.

Двери бесшумно разошлись в стороны.

Зал заседаний Совета Глав напоминал амфитеатр. В полумраке, на возвышении, сидели пять старейшин правящей династии Вектора-М. В самом центре восседал Патриарх — высокий, высохший старик с тонкими губами и абсолютно седыми волосами. Его звали Томас Вэнс, и его семья правила наукоградом уже больше века.

Я прошла на середину зала и остановилась прямо на светящемся круге в центре. На моем фоне этот зал казался склепом для великанов. Я заложила руки в карманы халата, демонстративно отказываясь склонить голову.

— Адептка Дилан Кортес, — раздался под куполом усиленный динамиками голос Томаса Вэнса. Он звучал сухо, как шелест сухой травы. — Вы явились.

— Как видите, Патриарх, — отозвалась я, и мой голос прозвучал удивительно твердо. — Ваше сообщение обещало лишение гражданства в случае отказа. А я слишком люблю местную столовую, чтобы становиться бродяжкой в Серой зоне. Зачем я вам понадобилась? Мои еженедельные тесты снова показались вашим лаборантам подозрительными?

По рядам советников пронесся недовольный шепоток. Дерзость во Векторе-М не поощрялась, особенно от недоучек. Но Вэнс лишь слегка поднял сухую ладонь, призывая всех к тишине.

— Ваши тесты идеальны, Дилан. Как и всегда. Ваша кровь чиста, а врожденный иммунитет к штамму Лихтенберга — это феномен, который мы изучаем до сих пор. Но вызвали мы вас не поэтому. Совет Пяти Городов принял совместное решение. Ваша учеба в Академии наук и медицины завершена.

Я на секунду растерялась. Пальцы в карманах халата сжались в кулаки.

— Что значит «завершена»? До финальных экзаменов и защиты диплома еще три месяца. Вы отчисляете меня? Из-за глаза?

— Напротив, — Патриарх нажал кнопку на своем пульте, и передо мной в воздухе развернулась мерцающая голограмма.

Я прищурилась. Это был диплом об окончании Академии с отличием по специальности «Терминальная вирусология и анатомия мутаций». Мое имя было выведено золотыми буквами. Рядом висел приказ о досрочном выпуске, заверенный личными печатями всех Глав Совета.

— Мы закрываем вашу учебу досрочно, доктор Кортес. Вы получаете высшую медицинскую категорию без сдачи экзаменов. Академия признает ваши заслуги и ваш уникальный интеллект.

Я медленно перевела взгляд с голограммы на холодное лицо старика. Чувствовала я себя паршиво. В нашем мире никто ничего не давал просто так. Тем более — диплом элитной Академии капризному изгою на три месяца раньше срока.

— И какова цена этого подарка? — спросила я, прикусив пухлую нижнюю губу. — Куда вы меня продали?

Томас Вэнс даже не сморщился от моей грубости. Он смотрел на меня как на ценный инструмент, который отправляют на сложную работу.

— Военное руководство **Эгиды** сделало официальный запрос, — спокойно произнес он. — Их карательные отряды совершили глубокую вылазку в Серую зону и захватили несколько уникальных живых образцов мутантов на четвертой, пиковой стадии эволюции. Твари невероятно сильны, агрессивны и стремительно адаптируются. Военные врачи Эгиды не справляются. Им нужен лучший специалист по анатомии штамма Лихтенберга. Наш Совет рекомендовал вас.

У меня внутри все похолодело. Эгида. Город стали, приказов и безжалостных солдат. Место, где гуманность считается психическим отклонением.

— Вы хотите отправить меня в эту железную мясорубку? — я сделала шаг вперед, мой фиолетовый глаз яростно блеснул в полумраке зала. — Я исследователь, а не военный костоправ! У них в Эгиде подопытные мутанты дохнут через день от их «методов» исследования! Они же просто забивают их до смерти или пускают на био-оружие!

— Именно поэтому вы летите туда, — голос Патриарха стал жестче. — Вы будете проводить контролируемые опыты в их глубоких подземных бункерах. Эгида гарантирует вам абсолютную безопасность, полную изоляцию лабораторного сектора и любые ресурсы, которые вы потребуете. Это шанс для всего человечества, Дилан. Если штамм Лихтенберга на пике эволюции будет разгадан, мы сможем создать вакцину. Настоящую вакцину, а не те жалкие блокаторы, которые мы колем сейчас.

Я молчала. Тяжело дышала, глядя на диплом, который все еще висел в воздухе. Выбора у меня, конечно же, не было. Отказ означал бы, что меня сошлют в Феррум махать киркой или просто вышвырнут за ворота, в туман Серой зоны, где я протяну от силы пару дней, прежде чем меня разорвут когтистые твари.

— Когда отправление? — глухо спросила я.

— У вас есть **четыре дня**, чтобы собрать вещи, закончить текущие дела в лаборатории Сикорского и попрощаться с кем необходимо, — ответил Вэнс, и голограмма перед моим носом погасла. — На пятый день на центральный вокзал Локуса прибудет специальный бронепоезд из Эгиды. Военное командование выделило для вашего сопровождения и охраны ценных грузов высший чин. Вашим личным куратором и щитом на время миссии назначен один из их генералов.

— Генерал? — я насмешливо фыркнула. — Эгида отправляет целого генерала, чтобы возиться с девчонкой-медиком? У них там что, война закончилась, раз высшим чинам делать нечего?

— Этот генерал лично руководил захватом мутантов, — отрезал Патриарх, поднимаясь со своего кресла, что означало окончание аудиенции. — Его имя Ксандер Эшфорд. И поверьте, доктор Кортес, он крайне недоволен тем, что ему придется выполнять роль вашей няньки. Постарайтесь не злить его в пути. Эгида не любит строптивых. Свободны.

Двери за моей спиной открылись, приглашая на выход.

Я развернулась и пошла прочь, чувствуя, как внутри разгорается упрямый, злой огонь. Четыре дня. У меня есть всего четыре дня свободы в родном, пусть и холодном Векторе-М. А

потом — Эгида. Подземные бункеры, мутанты с фиолетовыми глазами и какой-то напыщенный, суровый генерал по имени Ксандер Эшфорд, который уже меня заочно ненавидит.

Что ж, товарищ генерал. Ты еще не знаешь, с кем тебе придется иметь дело. Я, может, и маленького роста, но характер у меня покрепче твоей брони. Мы еще посмотрим, кто у кого будет на побегушках.

Глава 3. Секрет матери

Первый день после оглашения приговора прошел как в тумане. Академический диплом с отличием, который я так сильно желала все эти годы, теперь лежал на моем рабочем столе в лаборатории, вызывая лишь глухое раздражение. Твердая корочка из белого пластика с золотым тиснением — плата за то, что меня фактически выбросили из родного города и отправили на съедение военным псам Эгиды.

— Ты с ума сошла, Кортес. Ты просто угробишь себя там! — Яна, моя единственная подруга во всей Академии, нервно мерила шагами пространство между автоклавом и стеллажами с химреактивами.

Яна была моей полной противоположностью: высокая, фигуристая, с мягкими русыми волосами и вечно заплаканными серыми глазами. Она училась на фармацевтическом отделении и была из тех редких людей во Векторе-М, кто не шарахался от моего фиолетового глаза. Напротив, она всегда искренне сочувствовала мне.

— У меня нет выбора, Янка, — глухо отозвалась я, бережно укладывая в тяжелый металлический кейс свой личный набор хирургических скальпелей из лазерной стали. — Или я еду в Эгиду добровольно в статусе «ведущего специалиста», или меня отправляют туда же, но уже в кандалах как подопытный материал. Совет Главы Вэнса умеет убеждать.

— Но это же Эгида! — Яна подбежала ко мне и схватила за плечи. Из-за разницы в росте ей пришлось сильно наклониться, чтобы заглянуть мне в лицо. — Дилан, ты всего 148 сантиметров! Ты хрупкая, как стеклышко. Их солдаты — это выращенные на стимуляторах мясники. Они не знают, что такое жалость. А этот их генерал... Ксандер Эшфорд? Ты слышала, что о нем говорят в новостных сводках Локуса?

Я замерла, удерживая в руке тонкую лазерную пипетку.

— И что же о нем говорят?

— Он чудовище, Дилан! — прошептала Яна, испуганно оглядываясь на запертую дверь лаборатории. — В прошлом году его отряд зажал в ущелье Серой зоны целое гнездо мутантов третьей стадии. Так он приказал выжечь весь сектор термическим зарядом, даже не проверив, остались ли там выжившие люди-беженцы. Его называют Палачом Рубежа. Он ростом под два метра, косая сажень в плечах, а вместо сердца у него кусок броневого стали. Он убьет тебя просто за то, что ты не так на него посмотришь! Или... или сделает с тобой что-нибудь похуже... Тебе двадцать один год, Дилан, ты же даже ни с кем не...

— Перестань, — жестко прервала я её, хотя по спине пробежал неприятный холодок. Пухлые губы невольно сжались в тонкую линию. — Тварям Серой зоны наплевать на его шрамы и звания, и мне наплевать. Если этот Палач посмеет распустить руки или попытается командовать мной в моей же лаборатории, я найду способ вколоть ему дозу паралитика прямо в его генеральскую шею.

Я захлопнула первый кейс. Нам веками вбивали в голову, что Вектор-М — это мозг человечества, а Эгида — лишь его кулак. Вот и посмотрим, чья каста окажется сильнее.

Остаток второго и третьего дня я провела в заброшенных архивах нижнего яруса Академии. Если Совет отправлял меня исследовать терминальную, четвертую стадию штамма Лихтенберга, мне нужно было оружие посерьезнее лазерного ножа. Мне нужны были знания.

В подземных хранилищах, куда пускали только по особому разрешению Патриарха, пахло древней пылью и застоявшимся озоном от старых серверов. Я часами сидела перед допотопными мониторами, изучая засекреченные дневники моей матери.

«Запись 412. Штамм Лихтенберга — это не просто вирус, — читал на экране монитора знакомый, аккуратный мамин почерк. — Это упорядоченная структура. Фиолетовые линии на телах зараженных — это не случайный рисунок. Это биологическая энергосеть. Чем ближе

терминальная стадия, тем сильнее усыхает мозг, но тем активнее становится эта сеть. Вирус будто переносит сознание человека из черепной коробки в самую кровеносную систему. Если это так, то уничтожение мозга на поздних стадиях — лишь временная мера...»

Я до боли прикусила губу, вглядываясь в схемы. На полях одной из страниц была прикреплена моя детская медицинская карта. Красным маркером маминой рукой было обведено: *«Правый глаз — полная фиолетовая пигментация радужки. Тесты на РНК вируса отрицательные. Клеточная структура глаза изменена, но стабильна. Она не заражена. Она... другая».*

— Что же ты сделала со мной, мама? — прошептала я в пустую темноту архива, коснувшись пальцами своего правого века.

Ответа не было. Было только четкое понимание: Эгида — это не просто ссылка. Это единственное место, где я смогу найти живых тварей пиковой стадии мутации и понять, кем на самом деле является Дилан Кортес. И никакой высокомерный генерал не встанет у меня на пути.

Глава

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.